

Walbridge L.S. 2001. *The Most Learned of the Shi'a: The Institution of the Marja' Taqlid*. N.Y.: Oxford University Press. 288 p.

FILIN Nikita Aleksandrovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the Chair of Modern East, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for Humanities (Miuskaya sq., 6, Moscow, Russia, 125993; filinnikita@yahoo.com)

PILOYAN Margarita Grachievna, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow State Academy of Water Transport (Novodanilovskaya em., 2, bld. 1, Moscow, Russia, 117105; _amanor_@mail.ru)

AYATOLLAH ALI SISTANI: NEW OPPORTUNITIES OF THE OLD SCHOOL OF THE SHIITE RELIGIOUS MENTORING

Abstract. The article analyzes characteristics of the religious and political views of marja-i taqlid Ali Sistani, and socio-political context of his activities. Sistani has developed the political position of «non-participation» and Shiite ideas of democratic governance. And in accordance with this tradition the main holy book of Islam is the only source for creation of laws, and the role of the clergy should be in the spiritual leadership of the Muslim community in order to ensure fairness and social contract. Sistani, thus, has played the great role for the spiritual control of the officially elected power in order to protect the interests of voters and prevent despotism. Sistani's views play a significant positive role in the Middle East, and its subsequent distribution will definitely help to solve the actual enormous problems.

Keywords: Iran, Iraq, theocracy, religion, religious mentoring, Shiism

УДК 340.15

ДУДИН Павел Николаевич – к.полит.н., доцент кафедры международного права и международных отношений юридического факультета Бурятского государственного университета (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А; dudin2pavel@gmail.com)

МЕСТО И РОЛЬ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВО ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ В 1930–1940-х гг.

Аннотация. В статье освещается роль религии и религиозных институтов в процессе становления государственности во Внутренней Монголии в период существования Мэнцзяна. Изучение места и значения буддизма в системе государственных отношений и его влияния на процесс принятия решений позволяет лучше понять процесс образования суверенного государства монгольских народов.

Ключевые слова: Мэнцзян, Внутренняя Монголия, религиозные институты, буддизм, государственность

В истории Внутренней Азии существовало немало теократий либо стран, которые в своей государственной системе отводили значительное место религии, преимущественно буддизму. Под буддистским государством следует понимать такое государство, население которого в основной своей массе исповедует буддизм, его статус поддерживается на законодательном уровне, и религиозные нормы включаются в нормативные правовые акты или даются отсылки к ним. Современная политическая карта мира не богата на буддистские государства. Ряд стран, преимущественно в Юго-Восточной Азии, закрепляют в своих основных законах особое

положение буддизма: Мьянма¹ и Лаос² ограничиваются упоминанием буддизма в числе прочих религий и гарантируют его признание и защиту; Бутан³, Таиланд⁴ и Камбоджа⁵ закрепляют присутствие религии в отдельных социальных сферах. Дальше всех в инкорпорировании буддистских норм в правовую систему пошла Шри-Ланка⁶, в Основном законе которой закреплена возможность создания религиозных судов.

Во Внутренней Азии среди исторически религиозных стран выделяется в первую очередь Монголия периода правления богдо-гэгэна VIII [Дудин 2013] и Тибет периода правления далай-ламы XIII. Оба главы государства были церковными первоиерархами, и со смертью обоих роль религии и ее места в системе государственного устройства ослабевает либо сходит на нет.

Во Внутренней Монголии с созданием Монгол-Го (Мэнцзяна) роль буддизма и религиозных институтов была весьма велика, но не стала определяющей в силу многих причин. В первую очередь из-за того, что монголам так и не удалось построить ни мононациональное, ни монорелигиозное, ни даже относительно самостоятельное государство. Попытки пойти по пути Внешней Монголии оказались менее успешными в силу большей ассимиляции: в момент провозглашения независимости территория Внутренней Монголии была заселена этническими ханьцами куда значительней, чем ее северный сосед, а после присоединения Чананя и Цзиньбэя, где народ хань был доминирующим, с идеей о национальном монгольском государстве пришлось расстаться окончательно.

На первоначальном этапе большое значение и в светском, и в духовном плане играл монастырь и храмовый комплекс Байлинмяо. С началом автономистского движения во Внутренней Монголии он в качестве столицы демонстрировал серьезность намерений объединить монгольские земли, возродить утраченную государственность, а также приверженность древним традициям народа, вставшего на путь приобретения самостоятельности. В 1934–36 гг. тут неоднократно бывал панчен-лама IX во время своих визитов и транзитных проездов через Китай. Во время съезда монгольских князей в 1933 г. в зале, где проходило собрание, висел огромный портрет панчен-ламы, выдающегося политического деятеля, который был одним из идеологов объявления самостоятельности Внутренней Монголии. Именно на его авторитет и статус в дальнейшем опирались Дэ Ван и часть монгольской элиты в политических маневрах как с нанкинским правительством, так и внутри аристократических кругов, боровшихся за власть в Мэнцзяне.

Важное стратегическое значение придавало монастырю его расположение на пересечении основных караванных путей с севера на юг Гоби, а также наличие важной транспортной магистрали на Синцзян, Улан-Батор, Баотоу и Гуйсуй. Геополитический аспект диктовался близостью (в пределах 200 миль) зоны советского влияния – границы с МНР. Гористая местность, широкий обзор прилегающей территории, отсутствие в радиусе 35 км сколько-нибудь значимых населенных пунктов – все это говорило об удачном стратегическом положении Байлинмяо, которое и использовал в дальнейшем Дэ Ван, превратив монастырь в тыловую базу для вторжения в Суйюань.

Байлинмяо с 29 октября 1933 г. по 25 января 1936 г. выступал в качестве официальной столицы Монгольской автономии, а с января по ноябрь 1936 г. был центром повстанческих сил, которые сконцентрировались вокруг Дэ Вана после принятия Нанкином решения сначала о разделении, а затем о ликвидации автономии. Новая монгольская столица с первых дней своего существования в качестве таковой «обрастает» необходимой инфраструктурой (аэропорт, крупные нефтеранилища, обсуждается вопрос о строительстве железной дороги), что говорило

¹ *Конституции государств Азии*. В 3 т. (отв. ред.: Т.Я. Хабриева). 2010. М.: Норма. Т. 3. С. 557-665.

² Там же. С. 297-323.

³ Там же. Т. 2. С. 129-169.

⁴ Там же. Т. 3. С. 783-913.

⁵ Там же. С. 173-209.

⁶ Там же. Т. 2. С. 857-1023.

о долгосрочности планов политической элиты в отношении использования этого объекта.

И хотя западная пресса довольно сдержанна и использует термин «административный центр», пресса Востока именует в это же время монастырь столицей. Сам храм превратился в неприступную крепость. В Байлинмяо располагалась 7-я дивизия армии Мэнцзяна численностью около 1 800 чел. и кавалерия в составе более 1 000 чел., подчиняющиеся непосредственно Дэ Вану. 24 ноября 1936 г. монастырь был захвачен армией под командованием Фу Цзои. С этого момента он теряет ключевое значение в борьбе монголов за самостоятельность и передает свой статус другим административным центрам. В силу особенного отношения монголов к понятию «столица-ставка» Мэнцзян на первоначальном этапе государствовоительства обладал тремя центрами: Байлинмяо – компромиссная столица и символ автономистского движения, Дархан-Бэйле и Дэ-Ванфу. Два последних центра можно было назвать таковыми в силу их фактического значения. Кроме того, именно в них размещались ставки князя Юнь и князя Дэ.

Описание ставки главы Монгольской автономии князя Юня дает Николай Рерих. Хотя она не имела существенного значения в вопросе реального управления ситуацией, тем не менее, играла важную идеологическую роль в качестве резиденции главы автономии. Рядом со ставкой располагался домашний храм князя, что говорило о глубокой религиозности последнего. В храме царил идеальная чистота, и было видно желание сделать его как можно лучше. Кроме нескольких бурханов и изображения Ченрези и Белой Тары, на стене присутствовала большая фреска битвы Шамбалы [Рерих 1936: 253]. Тишина, спокойствие и умиротворение – вот те слова, которыми можно охарактеризовать место пребывания председателя Монгольской автономии.

В противоположность обстановке в ставке князя Юня, в резиденции другого князя, Дэ Вана, хозяйственная суматоха соседствовала с эйфорией от достигнутого успеха и одновременно демонстрировала, кто на самом деле принимает ключевые решения в Монгольской автономии. Ставка Дэ Вана располагалась неподалеку от города Сайхан-Тал, однако сам город стал административным центром уже после драматических событий приобретения и утраты статуса автономии. Город привлекателен для туристов наличием парков, красивых природных пейзажей, дополняемых искусственными природными ландшафтами, а также наличием нескольких исторических мест, таких как дворец Западного суннита правой руки, или Дэ-Ванфу.

Суннитский дворец или, как его привыкли называть местные жители, дворец Дэ Вана, был построен его дедом Буда Мангалом в 1863 г., а до этого в течение 200 лет семья кочевала в пределах соседних хошунов. Комплекс играл очень важную роль и в духовной сфере. По аналогии с Байлинмяо, он концентрировал в себе светские и религиозные функции, усиливая роль и значение его хозяина в силу того, что рядом с дворцом располагался величественный буддистский храм Ундор, или Ундормяо, также известный как Западный храм. По своим размерам, богатству и величию храм мог соперничать с Дэ-Ванфу. Приезжий человек может легко спутать эти сооружения, не случайно Ундор называли дворцом.

Храм был заложен в 1884 г. Первым ламой-настоятелем был Вандан Бичжалашэн, или Тубдун Тоин, благочестивый монах, приходившийся родным братом отцу Дэ Вана, посвятивший всю жизнь распространению буддизма и внесший значительный вклад в строительство Ундора. Храм задумывался как грандиозное сооружение, претендующее на ведущие позиции в религиозном мире Внутренней Монголии. После завершения строительства из других монастырей были привлечены 16 монахов, которых Тубдун Тоин обучал тибетскому письму, песнопениям и молитвам вплоть до своей смерти в 1923 г. К 1945 г. число монахов увеличилось до 200.

В 1931 и в 1933 гг. внимание к Ундору было привлечено его посещением панчен-ламой, который в качестве гостя князя провел во дворце около 6 недель. За это время резиденция Дэ Вана стала своего рода Меккой для набожных паломников со всех уголков Монголии. Они приезжали даже из Внешней Монголии и из Маньчжоу-Го, чтобы воздать должное своему духовному наставнику. Прием осуществлялся в спе-

циально выстроенной резиденции панчен-ламы, которая в течение последующих лет пользовалась особым вниманием гостей дворцового комплекса и местных жителей [Life in Mongolia... 1934: E8], что резко повысило и авторитет Дэ Вана, и статус храма, который в том же году был перестроен и расширен.

После ликвидации Мэнцзяна и ареста Дэ Вана 25 ноября 1945 г. под руководством Коммунистической партии Китая во Внутренней Монголии была создана Монгольская федерация. В следующем году новый режим ликвидировал княжескую систему управления. 1 июля 1949 г. было образовано Временное правительство Западного суннита правой руки, выбравшее в качестве резиденции дворец Дэ Вана и располагавшееся там вплоть до 1958 г., когда столичные функции были переданы Сайхан-Талу. Храмовый комплекс серьезно пострадал во время культурной революции и в 1981 г. был разрушен, однако память о нем как о центре религиозной жизни сохранилась до сих пор.

Завершая характеристику религиозных институтов, констатируем, что на первоначальном этапе процесса государствовоительства монастырь Байлинмяо успешно выполнял возложенные на него столичные функции и функции духовного центра молодого государства, что обеспечило успех автономистского движения и его монолитность. Само же название храмового комплекса для всего мира стало на тот момент синонимом движения монгольского народа за независимость и обеспечило ему лояльность со стороны зарубежной прессы. Со временем эти функции были перенесены в Дэ-Ванфу и Ундор, однако с ликвидацией Мэнцзяна они тоже утратили свое значение.

В самом Мэнцзяне и присоединенных к нему полусамостоятельных государственных образованиях Чанань и Цзиньбэй буддизм на протяжении всего периода государствовоительства играл важную роль: так, в состав правительства Чананя вошел и буддистский монах Юань Чи [Дудин 2014: 195]. После объединения буддизм был провозглашен государственной религией, должен был уважаться и почитаться, однако существенного влияния на государственную политику и принимаемые решения религия уже не оказывала, прежде всего потому, что фактическое управление Мэнцзяном находилось в руках японских оккупационных сил, которые не собирались делиться своим влиянием на процесс управления с религиозными институтами.

Список литературы

Дудин П.Н. 2013. Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии в 1911–1924 гг. — *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 156–161.

Дудин П.Н. 2014. *Политическая история Мэнцзяна*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 300 с.

Рерих Н.К. 1936. *Врата в будущее*. Рига: Угунс. 326 с.

Life in Mongolia Lacking in Luxury. 1934. — *The New York Times*. June, 17.

DUDIN Pavel Nikolaevich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of International Law and International Relations, Buryat State University (Smolina str., 24a, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; dudin2pavel@gmail.com)

PLACE AND ROLE OF THE RELIGION AND RELIGIOUS INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF FORMATION OF THE STATEHOOD IN INNER MONGOLIA IN 1930s–1940s

Abstract. The article deals with the role of religion and religious institutions in the process of formation of statehood in Inner Mongolia during the period of Mengjiang. The author studies the place and importance of Buddhism in public relations and its influence in order to better explain the decision-making process and the process of formation of Mongolian people's sovereign state.

Keywords: Mengjiang, Inner Mongolia, religious institutes, Buddhism, statehood